

Т. А. БУЛЫГИНА

КОМПАРАТИВНОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ МЕЖВУЗОВСКОГО НОЦ «НОВАЯ ЛОКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ»

В статье рассматриваются подходы О.М. Медушевской и ее учеников к компаративным методам исторической науки и пути применения источниковедческого метода в исторической компаративистике в исследовательских практиках локальной истории.

Ключевые слова: компаративистика, «новая локальная история», источниковедение, синхронное и диахронное сравнение, социокультурный контекст.

Системный подход к историческому прошлому, где культура рассматривается как единое целое, был одним из принципиальных в позиции О.М. Медушевской. Она рассматривала системность при анализе и реконструкции прошлого как отражение системности «социокультурного» человека, которая «связана внутри себя уникальным способом информационного обмена, поддерживающего ее целостность и поступательность развития...»¹. Именно информационные коммуникации, их механизм действия, их носители определяют исследовательскую ситуацию в гуманитаристике. Системность предполагает наличие структур как сложное множество относительно устойчивых отношений элементов системы. Таким образом, структурная эволюция одной системы предполагает при ее анализе применение сравнительного метода в его диахронном выражении. В то же время, человечество как единая система делится на множество социокультурных систем. Изучение таких множественных систем возможно посредством общего временного среза, что предполагает также использование синхронного компаративного метода. Критерием сравнения в обоих случаях выступают структуры систем, структурные элементы и их функции.

Принцип системности в полной мере используется в источниковедении. Источник, представленный как материализованный интеллектуальный продукт человеческой деятельности, включая человеческую психику, сам выступает как элемент целостной системы – культуры. В то же время история формирования, функционирования и эволюции источников не только отражает культурное целое, но и сама есть целостная система. Следовательно, логично использование системного под-

---

¹ Медушевская. 2008. С. 104.

хода при изучении источников. Системность проявляется в выработке периодизации истории источниковых комплексов, а также при определении классификационных критериев источников.

Это позволило представителям Научно-педагогической школы источниковедения разработать источниковедческий метод изучения истории, включающий в себя компаративное источниковедение. Историческая компаративистика не может подняться над нестрогим сравнением готовых историописаний, так как эти произведения несут в себе авторскую субъективность более позднего времени, и тем самым не имеют общих критериев для сравнения. Компаративистика в истории предполагает, прежде всего, обращение к сравнениям источниковых комплексов, которые имеют материальную природу. Именно эти продукты человеческой деятельности являются носителями структурно-функциональных и материальных критериев сравнения, одновременно содержащими авторскую субъективность своего времени.

Хочу оговориться, что исторические труды также являются материальным продуктом человеческого творчества и тем самым служат источником истории исторической науки. Как историографический источник, исторические исследования могут рассматриваться с позиций их классификации и сравнительного изучения в синхронном и диахронном порядке. Однако это не источники описываемых в этих текстах событий, явлений, процессов, а источники истории науки, поэтому их сравнительный анализ как источников прошлой реальности некорректен и неэффективен.

Компаративный метод наиболее эффективен, если опирается на видовое многообразие и видовое сходство источников, которые представляют разнообразие целенаправленной творческой деятельности людей в конкретном обществе и в пространстве определенной культуры. Если рассматривать источниковый корпус как систему, то в целом он отражает социокультурную общность эпохи. На основе сравнительного анализа видов источников в системе культуры одного общества, представленной различными хронологическими рамками можно выявить не только эволюцию одних видов, исчезновение других, рождение третьих видов источников. Источниковедческий метод компаративистики позволяет лучше понять ту реальность, в которой появлялись, функционировали и сходили с социокультурной сцены эти источники. Не менее продуктивно и синхронное сравнение одинаковых видовых комплексов в обществах иной культуры, что помогает понять не только цивилизационную и национальную специфику культур, но и открыть новые тенденции в мировом историческом процессе.

Поскольку компаративистика объектом избирает продукты творчества человека, то, что особо значимо, через изменения в источниках можно увидеть эволюцию общественного, массового и индивидуального сознания, социокультурные последствия перемен в материальной действительности. Только во взаимосвязи со сравнительным изучением эволюции корпуса исторических источников мы можем более глубоко выявить критерии периодизации исторического процесса.

Через сравнение схожих и однородных комплексов источников формируется более полное знание о разнообразии социокультурных процессов в разное время и в разных обществах. Все иные попытки использования сравнений по произвольному представлению о схожести событий (например, сравнение Февраля 1917 года с «перестройкой» 1985 года или сравнение реформ Петра I с системным реформированием 1990-х – начала 2000-х гг. не являются строго научным методом, хотя такое сравнение и строится на предыдущем социальном опыте и уже накопленном знании. Так, парадоксальное исследование И.В. Можейко² базируется не только на личных впечатлениях и авторском профессиональном опыте, но и на обширных исторических сведениях. Однако, как убедительно свидетельствовала О.М. Медушевская, строго научным знание становится, когда история и культура как объект анализа рассматриваются на основе ее материальных остатков – источников, поэтому компаративистика требует сопоставления видовой конфигурации сообществ или видовой конфигурации одного сообщества в его эволюции³.

Такая модель компаративного источниковедения ведет к пониманию целостного мироздания «в многообразии составляющих его культур»⁴. Изучение источника как материального фрагмента культуры, отражает толкование источника как общего объекта гуманитаристики и становится практическим воплощением междисциплинарного принципа анализа картины прошлого. При этом последовательность возникновения, функционирования, изменений и исчезновения типов и видов источников, сходство и различия между источниками разных стран и разных эпох, объединенных видовой природой источников, отражают социокультурные процессы различных уровней, как в мировом развитии, так и в жизни отдельных обществ. В сравнительном источниковедении существенным свойством исследователя является понимание им своей активной роли в изучении источника. В этом случае интерпрета-

---

² Можейко. 1989.

³ Медушевская. 2008. С. 353.

⁴ Румянцева. 2006. С. 271.

ция сравниваемых источников осуществляется на основе построения диалога «историк – источник – автор».

Исходя из всего вышесказанного, сотрудники НОЦ «Новая локальная история» считают необходимым распространить эту модель компаративного метода на изучение источников местной истории и истории локальных сообществ. Во-первых, мы полагаем, что, опираясь на указанные выше принципы, необходимо развернуть сравнительный анализ видовых корпусов источников, наиболее характерных для различных локальных сообществ в синхронном и диахронном режимах в рамках отдельного региона. В этом случае мы можем обнаружить сходство и различия в формировании источникового комплекса сельского и городского сообществ, а также различных локальных сообществ внутри них – профессиональных, конфессиональных, гендерных и других. Изучение эволюции этих источников может предметно показать процесс реализации исторических тенденций в повседневном бытовании людей локальных сообществ. Источниковедческий метод как основа компаративистики позволяет выявить точки солидарности и конфликтогенные зоны различных сообществ, динамику социальных ролей, направление социальных лифтов, горизонт ожиданий для разных групп местных жителей, а также сетку идентичностей и включенность региональных сообществ в национальную идентичность.

Анализ источников из трехтомника «Голоса из провинции», в котором собраны материалы Ставропольских архивов почти за 50 лет – с 1917 по 1965 гг.⁵, позволяет проследить изменения в составе однородных источников за это время и конкретизировать переломные точки в их характеристиках. Такой анализ высвечивает социокультурные процессы на Ставрополье. Создатели документальной серии исходили из положения П. Рикёра о том, что источники представляют собой «сферу коммуникации сознаний», «сферу диалога, где “другой” отвечает на вопрошание», «сферу всегда открытую и ведущую спор»⁶. Публикация архивных материалов в виде проблемного комплекса источников, объединенных единством видового пространства, опиралась на понимание местного социума как системы. Тогда жители Ставрополья в их повседневных трудах выступали как основной системообразующий социокультурный субъект, а местные сообщества – как разноликие элементы единой структуры, связанные многообразными и сложными связями.

---

⁵ Голоса из провинции: жители Ставрополья в 1917-1929 годах...; Голоса из провинции: жители Ставрополья в 1930-1940 годах...; Голоса из провинции: жители Ставрополья в 1941-1964 годах...

⁶ Рикёр. 2002. С. 45.

Толкуя задачу исторической науки как получение знаний о социальном взаимодействии индивидуумов, групп, сообществ в их исторической специфике и локальном многообразии, авторы издания выявили несколько видов письменных и визуальных источников, которые скрывали сгустки социокультурной информации о местном сообществе на разных этапах его существования. Стремление к реконструкции «прошлой социальной реальности» в локальном контексте потребовало обратиться к конструированию источникового пространства этой реальности. Создатели открыто декларировали активную роль субъекта – в данном случае, составителей, археографов и редакторов – в создании информационного образа ставропольского общества 1920-60-х годов.

В этом сборнике прослеживается не обычное желание сохранить реальные остатки прошлого и ввести в научный оборот новые источники, но на основе сопоставления этих источников понять единство прошлой культуры в ее конкретном проявлении. Этот источниковый комплекс способствует выработке познавательной модели для изучения социокультурных систем в определенной хронологической протяженности, которые реализуются в повседневной жизни конкретных людей в пределах локуса. Здесь представлены разнообразные по форме и по содержанию коммуникативные практики представителей самых разных групп местного общества. Комплекс источников структурирован таким образом, что просматривается эволюция социальной репрезентации различных групп населения, изменения в самоидентификации индивидуумов, появление новых маркеров принадлежности к советскому социуму. Есть здесь и информация о самосознании местной власти, о ее интерпретациях политики Центра.

Продуктивным, на наш взгляд, для новой политической и для культурно-интеллектуальной истории, является сравнительное изучение источников местной и центральной власти, интеллектуальных, художественных, профессиональных сообществ в провинции и Центре в определенный хронологический период. Это позволяет выявить стереотипы эпохи и одновременно различия в массовом сознании, в сознании местных и столичных управленцев, в структуре практической реализации основных законодательных и политических инициатив власти. Это помогает понять социокультурные особенности местных сообществ в контексте общенационального культурного и интеллектуального пространства. На практике речь идет, прежде всего, о сравнении видовых комплексов письменных источников, представленных в центральных и местных архивах, о сравнении центральной и региональной печати, столичной и провинциальной публицистики и беллетристики.

При таком подходе традиционные исследования по истории локальных сообществ «на материалах» нескольких губерний или областей могут уступить место работам с более широкими возможностями исторической интерпретации, которые способствуют эффективному приращению исторического знания. К примеру, изучение особенностей формирования документов региональных комиссий по борьбе с беспризорностью и делопроизводства детских приемников и детских домов на Терекке и Ставрополье, которое осуществила диссертантка в работе по истории ликвидации беспризорности в регионе в 1920-30-е гг., способствовало не только выработке усредненной модели беспризорного сообщества 1920-х гг. Такое сравнение источников выявляет информацию об особенностях локальных сообществ беспризорников в Терской области с ее курортами или в сельском Ставрополье. В другой диссертации анализ материалов испартов Северного Кавказа демонстрирует специфику социальной практики Северного Кавказа по внедрению в массовое сознание советской модели исторической памяти. Такая информация стала возможной только после изучения общих принципов и региональных особенностей формирования этого уникального вида источников.

На наш взгляд, для более плодотворного использования методов компаративного источниковедения с позиций «новой локальной истории» требуется сотрудничество профессиональных историков, изучающих местную историю в разных регионах России. Это позволило бы провести сравнительные источниковедческие исследования синхронным методом на материале двух-трех регионов. В частности, продуктивным было бы сравнительное изучение корпуса источников по истории Северного Кавказа и Сибири. Это помогло бы не умозрительно, но предметно, основываясь на видовом сравнении источниковых комплексов обосновать общее и особенное в колонизационных процессах обоих регионов, в становлении системы имперского управления, в складывании местного культурно-интеллектуального пространства.

Сравнительное изучение источников по истории региональных и локальных обществ разных национальных сообществ определенной эпохи – еще одна возможность использования компаративного метода. Например, в Ставропольском государственном университете в 2010 г. была защищена кандидатская диссертация, автор которой сравнивал процессы формирования массового сознания в немецкой и советской провинции в 1920-1930-е годы. Задача решалась на основе компаративного анализа таких видов источников по истории Саксонии и Ставрополья, как местная периодика, обращения граждан во власть, документы

местных партийных организаций. Это привело диссертантку к интересным выводам о специфике и типичности этих источников, что стало базой для реконструкции политической и идеологической действительности региональных сообществ как в их сходстве, так и в их различиях⁷.

Предлагая различные варианты компаративного анализа источников местной истории, мы исходим из открытости такой источниковедческой модели и полагаем, что все эти варианты должны быть проверены исследовательской практикой, которая может выявить и иные формы компаративного источниковедения. Требуется также теоретические разработки проблем изучения источников местной истории и источниковедческие работы в контексте подходов «новой локальной истории». Как бы то ни было, главное состоит в верности принципам источниковедческого метода и в готовности дальнейшего движения по этому пути.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1917–1929 годах: сб. док. / сост.: Г.А. Никитенко, Т.Н. Колпикова. Ставрополь: Ком. Ставропольского края по делам арх., 2009. 760 с.: ил.
- Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1930–1940 годах: (сб. док.) / сост.: Г.А. Никитенко, Т.Н. Колпикова. Ставрополь: Ком. Ставропольского края по делам арх., 2010. 560 с.: ил.
- Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1941–1964 годах: (сб. док.) / сост.: В.В. Белоконь (отв. сост.) и др. Ставрополь: Ком. Ставропольского края по делам арх., 2011. 695 с.: ил.
- Кожемяко Т.Н.* Образ власти в картине мира жителей советской провинции и Германии в конце 20-х – 30-е годы XX века: сравнит.-ист. аспект (на материалах Ставрополя и Саксонии): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Кожемяко Татьяна Николаевна. Ставрополь: СГУ, 2010. 26 с.
- Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 361 с.
- Можейко И.В.* 1185 год: (Восток – Запад). М.: Наука, 1989. 527 с.
- Рикёр П.* История и истина; пер. с фр. И.С. Вдовина, А.И. Мачульская. СПб.: Алетейя, 2002. 399 с. (Gallicinium). (Философия. Университетская б-ка).
- Румянцева М.Ф.* Новая локальная история и современное гуманитарное знание // Новая локальная история: сб. науч. ст. Ставрополь; М.: Изд-во СГУ, 2006. Вып. 3. С. 271–275.
- Булыгина Тамара Александровна** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Северокавказского федерального университета, Ставрополь; istoriirossii@yandex.ru

---

⁷ Кожемяко. 2010.